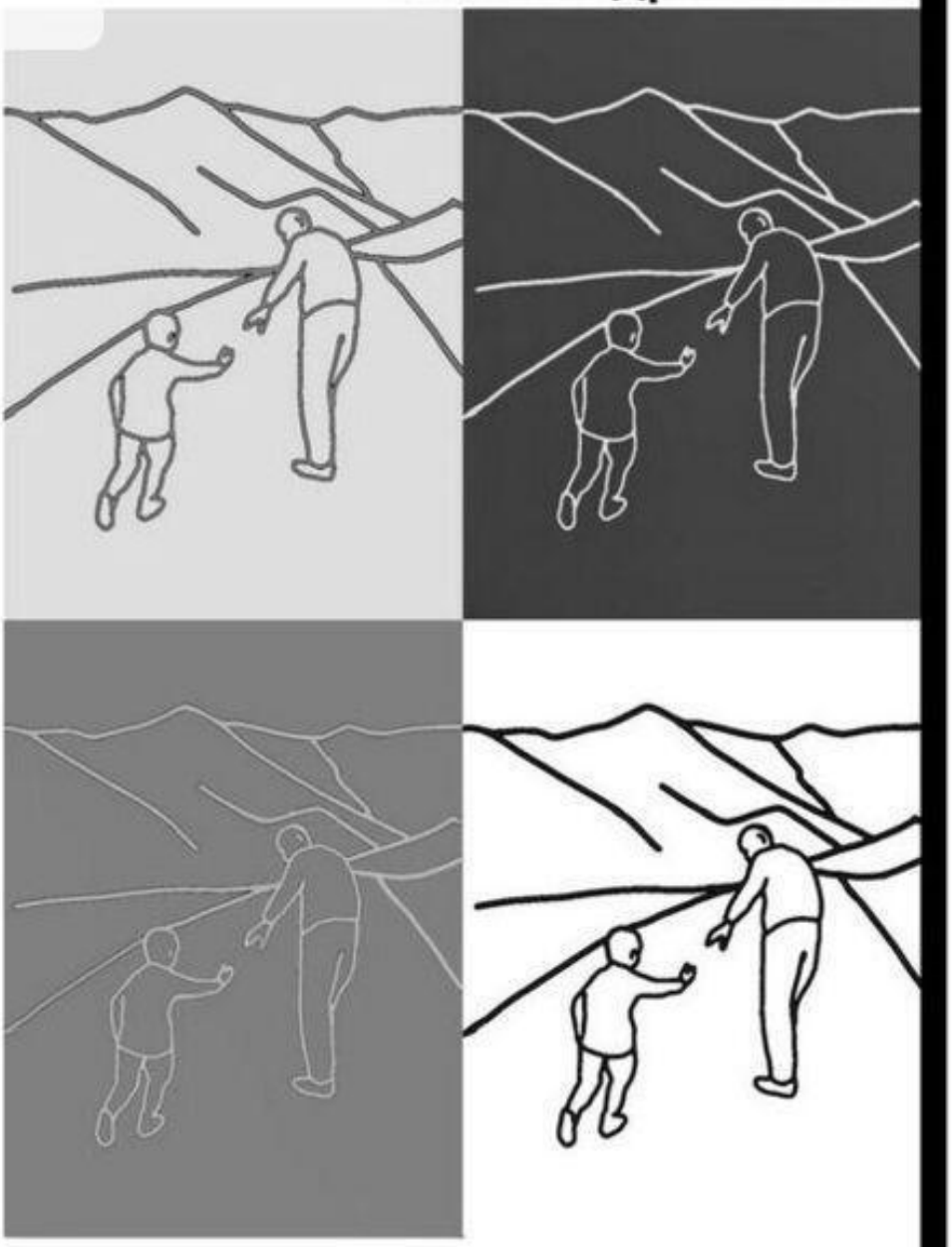
18+

Александр Савоста



ИДУЩИМ СЛЕДОМ

Том 2. Возвращение в утраченный рай

Александр Савоста

Идущим следом. Том 2. Возвращение в утраченный рай

«Издательские решения»

Савоста А.

Идущим следом. Том 2. Возвращение в утраченный рай / А. Савоста — «Издательские решения»,

Во втором томе автобиографической саги «Идущим следом» автор делится множеством семейных испытаний и собранным опытом зрелости, чтобы поддержать тех, кто оказался в жизненном тупике или ищет верные ориентиры. Это предельно откровенный рассказ о том, как уцелеть в жерновах быта, пережить гормональные бури брака, потери близких и приход старости. Будет тут и о поиске редких, драгоценных — простых «спасибо», которые держат нас на плаву в самый тёмный период нашей жизни.

© Савоста А.
© Издательские решения

Содержание

Дисклеймер 6
Часть третья: Полесье 7
Пролог 7
Полесье 11
Помяни чёрта 11
Голодный лев 11
Три лифта 12
Игра в поддавки 13
Целых два гения 14
Трубящий олень 16
Коробочка пирожных 17
Нарушение правил 19
Главный раздражитель 20
Фальстарт на озере 24
Лось и козлик 25
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Идущим следом
Том 2. Возвращение в утраченный рай

Александр Савоста

© Александр Савоста, 2026

ISBN 978-5-0071-5710-0 (т. 2)
ISBN 978-5-0071-5241-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга посвящается моей дорогой супруге, заглянув в глаза которой когда-то, я не ошибся.

Особая благодарность моей дочери — у неё потрясающее художественное чутьё.

Дисклеймер

Все совпадения с реальными событиями, конкретными людьми и места действия — совершенно случайны. Это абсолютно необъективный взгляд автора на природу человеческих инстинктов и социальные тупики. Произведение написано не для поучения, а для того, чтобы каждый, как и сам автор, попытался взглянуть на себя со стороны. Если вы узнали в ком-то из персонажей себя или своих знакомых, — помните: это лишь личное мнение автора о событиях и людях, которое вполне может оказаться не совсем верным, потому что этот иллюзорный мир он сконструировал из своих субъективных наблюдений, нечётких порой воспоминаний и даже фантазий.

Часть третья: Полесье

Пролог

Хочу рассказать о своих самых дорогих осколках из калейдоскопа памяти. Их всего пять. Наверное, это мало? Но это всё, что есть. Они попадались мне в течение всей жизни, но как-то уж очень редко. Зато когда я о них думаю, мне кажется, что тот мотоциклист, наконец удовлетворенно хмыкнув, навсегда покидает меня.

Речь пойдёт про «спасибо». Да-да, не о деньгах, не о должностях, не о привилегиях или регалиях. О простых словах «спасибо», сказанных с таким искренним выражением, что они становятся твоим самым ценным и значимым воспоминанием.

Кстати, а вам говорили спасибо? Нет, не за еду или поданную руку при выходе из транспорта, не за подарок или хорошо сделанную работу… Вам говорили спасибо за то, что вы изменили чью-то жизнь к лучшему? Сколько у вас есть таких стёклышек?

А вот они мои:

Первое такое спасибо я получил в письме.

Однажды у меня стажировался паренёк. Я и сам был простым работягой на предприятии, но всех новеньких к кому-нибудь прикрепляли. Вот я его и учил. Где что и как, ну и «куда», и «зачем» тоже. Он, как и я когда-то, собирался в армию. И, видимо, кто-то уже рассказал ему, что там далеко не как в фильме про ефрейтора Збруева или про зону особого внимания — ему рассказали про беспросветный мрак дедовщины, и я видел, что он боится.

Мне надо было сделать так, чтобы он не подставлялся, чтобы он был готов к кажущимся унижениям. Чтобы он не думал, что его спасут мольбы или хитрость, чтобы он всё делал бегом, чтобы он забыл обо всём, что было с ним дома до армии, иначе он сломается. Мне нужно было увидеть испуганными глазами этого паренька надвигающееся на него одно из главных событий его жизни.

И я рассказывал ему всё, что знал. Даже про трёх беглецов, один из которых просто замёрз, а двое других, пойманных, были похожи на узников фашистских концлагерей от истощения. Про то, что худшие по характеру люди станут кладовщиками, а лучшие — сержантами и замками. Про самоволки и гауптвахту, про правила точной стрельбы и первую шеренгу при беге на морозе. Про то, что у него появится куча новых друзей, которые через год-полтора не захотят продолжать дедовщину и будут относиться к молодым как к младшим братьям. Про то, что там он станет сильнее, умнее и добрее, потому что будет видеть, что рядом есть ещё более слабые, которые требуют его помощи. Всё, что сам знал про армию, я ему и рассказал. И всё, через три месяца он исчез, а через полтора года оттуда исчез и я.

И как-то раз мне позвонил мой друг, который остался там работать, и сказал, что прямо на завод, в цех, на смену пришло письмо, адресованное мне. Поехал, забрал. Прочёл. Там, кроме всего, и было моё первое «спасибо». Он написал, что без моего инструктажа он бы там просто не выдержал, что мои рассказы были тем, что он всё время вспоминал, и это держало его на плаву.

Я с ним встретился ещё раз двадцать лет спустя, он передал мне привет через общих знакомых, когда те случайно упомянули меня при нём. Он всё так же заглядывал мне в глаза, как когда-то, как младший брат, хотя и сам уже был с проседью в волосах…

***

Второе такое «спасибо» я услышал от своей ялтинской бабушки. Той самой.

Я упоминал, что после армии и пары лет гражданки собрался поехать посмотреть в глаза людям, которые двадцать лет назад вычеркнули меня из своей жизни. У меня был летний отпуск, и я хотел провести его на море.

По приезде в Ялту я устроился на съёмной квартире, купил тортик и цветы и решил не откладывать. Ну, повторное знакомство с кланом «Капулетти».

Сначала я прошёлся по улице, вдоль окон, куда выглядывали, когда искали меня, скатившегося под стол. По этому самому подоконнику я возил свой пластилиновый Т-34. Окно в кухню было открыто настежь, и там шустро двигалась маленькая, почти вся седенькая пожилая женщина. Я её узнал. Если я помнил, где дворик с виноградом, где окна кухни, как я мог не вспомнить свою бабушку? Обойдя дом и приготовившись к любому исходу, я позвонил в дверь, из которой я когда-то давно выскочил во двор с криком: «…твою мать!», копируя деда.

— Кто там? — прозвучало традиционное для нашей необъятной.

— Извините, здесь проживают… — ну, пусть будет «Капулетти».

За дверью началось что-то странное. Находящийся за дверью человек не мог попасть ключом в замочную скважину. Долго. Наконец дверь распахнулась, и на пороге стояла моя бабушка. Слёзы из её глаз не капали, а струились сплошным потоком. Она поняла кто я, ещё не открыв дверь! И первое, что она сказала, было:

— Заходи, заходи, внучек.

Она крепко схватила меня за руку прямо через порог, как будто боялась, что я уйду…

Я сидел на той самой кухне, на том самом месте, что и тогда, над миской с клубникой. Я прошёл туда по тому самому длинному коридору, в приоткрытую дверь комнаты я увидел тот самый овальный стол, под которым меня искали…

Бабушка, отвернувшись к плите и заливаясь слезами, как в трансе повторяла одно и то же:

— Я тебя сейчас покормлю, внучек! Я сейчас тебя покормлю, внучек. Я тебя сейчас покормлю, внучек…

Она даже не видела, что картошка с котлетой, которые она для меня разогревала, помешивая на сковороде, просто горели. Горели по-настоящему, с огнём и дымом. Я не мог этого вынести. Я встал, обнял её, выключил газ и сказал:

— Давай лучше чайку попьём, я тортик принёс, а?

Она взяла моё лицо, едва дотянувшись до него, в свои ладони и сказала:

— Спасибо тебе, внучек. Спасибо, что стал таким.

После она побежала за моей тёткой, которая жила тут же со своей маленькой дочкой. После мы пили чай и разговаривали. Они упрашивали меня остаться жить у них на время своего отпуска, но мной уже была оплачена съёмная квартира, а в курортных городах с этим строго. С деньгами.

Я ещё навещал их, познакомился со своей маленькой двоюродной сестричкой. Мы ходили на кладбище, мне показали места погребения старушки-веселушки и её супруга, могилу моего деда, бежавшего из плена…

Когда я уезжал, бабушка попросила передать спасибо и моей матери.

— Обязательно передай. Обязательно.

Я передал. За то, что я навестил «Капулетти», мама не разговаривала со мной после моего возвращения. Но, видимо, бабушкино «спасибо» и в ней что-то изменило. Её бойкот закончился всего за неделю.

***

Третье «спасибо» было от сотрудницы.

Эту девушку приняли к нам на работу, где в первое время у всех глаза разбегаются. От ошибок не застрахован никто, и если ты новичок и вдруг сильно налажаешь, то это не только выговор от начальства, а и многолетние поддёвки остальных тружеников. Когда им будет становиться скучно, они всегда найдут новый взгляд на твой промах, чтобы пошутить…

Да, так с ней и случилось. Сразу крупный промах, большая ошибка, тот самый нечаянный промах. Не катастрофа, но неприятненько очень. Ну и начальство, приспустив очки на кончик носа, присматривается.

— Это я, — это я, под изумлёнными глазами остальных работяг, — мой косяк.

Пожурили и разошлись. Я там на неплохом, вроде, счету был. Зато видели бы вы её глаза тогда: она как будто Деда Мороза увидела. А мне просто не хотелось в дальнейшем видеть подтрунивания над новенькой, да и начинать работу на новом месте с выговора кому захочется?

Прошли годы. Много. Я уже жил в Ялте. И однажды мне написал мой старый коллега, что его супруга с той увидевшей Деда Мороза барышней едут на отдых и хотят со мной встретиться.

Встретились, втроём поели пиццы, поболтали про общих знакомых. Прошлись по набережной. Был мёртвый сезон — поздняя осень. Свинцовое море, грязного цвета пена прибоя, но сильного ветра не было, и не холодно. Сфотографировались.

И она решилась:

— Спасибо тебе за тот случай, спасибо, что прикрыл собой.

Её глаза блестели. Наверное, от ветра.

***

Четвёртое «спасибо» будет тоже от бывшего моего сотрудника.

Только это будет молодой, талантливый парень. С такими задатками, что я просто не мог не попытаться рассказать ему про них. Они как будто спали в нём, или что-то мешало им пробиться и развернуться в полную силу.

Мы с ним сидели за соседними компами. Это была моя очередная работа, совершенно в другой отрасли, нежели все предыдущие. Так сложилось. Это не важно.

Важно вот что.

Мы сидели рядом, работали иногда над одной темой, ходили вместе на обед в столовую. Разговаривали обо всём на свете: новости, кино, развлечения, компьютерные игры… Ну и, конечно, про жизнь. Он спрашивал то, о чём не мог спросить у отца, а я рассказывал ему то, что не мог прямо рассказать дочери. Постепенно он взрослел. Было видно, что он не боялся принимать решения, он овладевал смежными знаниями, он начал даже иногда подменять ведущих инженеров. Парень рос, и мне это нравилось. «Скоро ему тут станет тесно», — думал я.

Однажды, вспомнив о той бабушкиной прибаутке: «Вся жизнь человека — это до школы и после…», я, осмотревшись вокруг и поняв, что вроде всё более-менее в семье и вокруг устроилось, решил уйти на пенсию.

Прошло лет шесть или семь. И тот молодой инженер вдруг неожиданно позвонил мне. Попросил о встрече, сказал, что хочет поговорить с глазу на глаз. Интригует, да?

Он приехал на красивой японской машине вип-класса. У него уже был купленный им самим дом, семья, дети. Он уже сам нанимал людей на работу. Он уже превзошёл всех, кого когда-то подменял, по знаниям, быстроте мышления и, похоже, личным финансам.

Мы сидели на солнышке недалеко от моего дома, и он сказал:

— Спасибо вам за уроки жизни. Много раз я принимал решения, сверяясь с тем, что вы мне рассказывали.

И вы не поверите, что тогда сделал я.

Я рассказал ему историю про мотоциклиста и, похлопав его по плечу, сказал:

— Теперь ты будешь должен, — и улыбнулся ему.

***

А сейчас пятое «спасибо». Последнее. Самое драгоценное. Это спасибо я получил от своей дочери.

И истории никакой не будет. Всё было в обычный летний вечер, до того как начнёт смеркаться, было ещё долго. Мы с супругой смотрели шоу по телевизору.

Позади у нас были годы её поездок челноком в Европу, годы моих подработок, кроме основной работы. Годы нашей жизни по принципу: «Деньги, потраченные на себя, — это деньги, отнятые у будущего поколения»… Я выполнил обещание, данное себе в детстве: вернуться в этот рай. И мои внуки теперь живут тут моё детство вместо меня…

В общем, мы с супругой у телевизора, и тут раздался звонок по телефону от нашей дочери. Трубку сняла супруга и включила громкую связь.

Наша дочь звонила, чтобы сказать нам спасибо. Просто, на ровном месте. Они как раз гуляли по набережной всей семьёй — с мужем, с дочкой и сыном. На фоне была слышна музыка, смех наших внуков и голос её супруга. И наша дочь произнесла:

— Спасибо вам за то, что мы здесь. Спасибо, что вы смогли это сделать. Спасибо вам за всё. Да, и папе — отдельное спасибо. Специально ему!

Дороже этого спасибо у меня ничего нет.

Полесье

Помяни чёрта

А теперь — Полесье. Город Ровно. Легендарное место — земля с длинной и порой очень тяжёлой, многослойной историей, тут веками перемалывались человеческие судьбы. Как, впрочем, и везде, правда?

Интересно посмотреть на это место глазами молодого мужчины. Он попал сюда как молодой, резвый, трубящий олень с крепкими и острыми рогами — полный желания завоевать своё место в этом новом для него лесу. Но законов этого леса он ещё не знает, иносказательных речей не слышит, намёков не понимает и абсолютно одинок — у него здесь нет ни друзей, ни подруг.

Началось тут всё со странной истории на улице, в самом центре города. Я уже немного знал сам город, бывал тут перед армией. И как-то шёл по делам. На одной из улочек в подвальном помещении обосновался магазин алкоголя. И назывался он, вы не поверите, «Вино-Водка» — прямо как мой квартал в Северодонецке. Помяни чёрта!

У лесенки в подвальчик стояли два ханурика и внимательно изучали ладонь одного из них. Когда я проходил мимо, один из них вдруг рявкнул:

— Дай два рубля!

Я уже рассказывал: в Северодонецке «дай две копейки» — это просто дай две копейки. Дай двадцать копеек — это уже вызов на драку. А тут — два рубля! Что же они собирались со мной сделать на эту сумму, эти два доходяги?! Ведь этих денег на десять драк должно хватить! Десять! Я столько не выдержу.

От этой мысли со мной приключилась истерика. Меня согнуло пополам от смеха. Я смеялся до боли в животе, я не мог распрямиться, я не мог остановиться. Я даже не мог сказать этим двоим, почему я смеюсь: как только я пытался это сделать — меня опять сгибало пароксизмами смеха. Я аж плакать начал.

А когда я увидел, как они, переглянувшись, засеменили от меня, уже еле пищащего от смеха и согнувшегося пополам, за угол — я подумал, что я сегодня точно умру. Прямо тут, от смеха.

Голодный лев

Нужно как-то перейти к трудному. К тому, как социальные лифты захлопнут свои двери прямо перед моим носом, с какими чужими моему внутреннему миру правилами игры мне придётся столкнуться и как я буду всё это анализировать… Правда, смотреть на то время я буду через свой волшебный калейдоскоп, который я бережно складываю из рассыпавшихся осколков памяти. Так будет полегче, но я не уверен.

Сначала про игры.

Отчим любил играть не только в шахматы, а и в карты. У нас в гостях часто бывала пара их с мамой ровесников. Они после застолья играли в карты два на два. Это был триумф отчима. Всё, что можно было повесить на плечи противников при игре в подкидного, — было на их плечах. Всегда. А однажды…

Мы втроём были на пляже: отчим, мама и я. Пусть это будет выходной, чтобы покороче. У озера, на городском пляже. От нечего делать я составил им компанию в карты. Меня совершенно не раздражает проигрыш в карты или шахматы. Для меня это как фехтование в масках, с рапирами, у которых на концах шляпка вместо острия. Вот проигрыш в жизненной ситуации

— это другое. Там на карту поставлено честное имя, совесть, дружба, ценности, за которые стоит бороться. А карты и шахматы — это игры. Кстати, в поддавки меня никто не обыгрывает. Я какой-то умелец поддаваться. Интересно, как я этим пользуюсь, правда?

Ещё короче. Они меня раскатывают, а я смотрю по сторонам в попытке найти симпатичную девушку и, может, попытаться с ней познакомиться. Кстати, о девушках. У них тут, на западе, такой неприступный вид, как будто тебя вовсе нет, когда ты проходишь рядом на улице. На Донбассе девушки — это боевые подруги, пацанки. В Сибири девушки чистые, открытые и доверчивые, добрые. А тут — это что-то. Ну почти высокомерие, честно. И, видимо, полное незнание жизни. Потому что если жизнь прикладывается к твоей пятой точке лопатой для уборки снега, то выражение лица сразу меняется, даже у девушек. Точно.

Опять съехал. Да что ж такое?

Играем в карты, отчим хохочет на полпляжа, прикладывая к моим плечам очередное картёжное повышение — карты на погоны.

И тут лежащий неподалёку на полотенчике незнакомый, небольшой дядечка вежливо спросил:

— А можно и мне к игре присоединиться?

У отчима загорелись глаза. Вот это удача, сейчас он развернётся в полную силу!

— Конечно можно, подсаживайтесь поближе, пожалуйста, — он облизывался, как голодный лев.

Раздача. Я смотрю в свои карты, вроде ничего нет, потом поднимаю голову на своего нового партнёра. Он непроницаем: вежливая улыбка и ничего больше. Все чего-то ждут. Игра идёт, чего все ждут? Меня? Я снова опускаю глаза — так вот же у меня есть что подкинуть… Игра идёт дальше, я смотрю в карты, поднимаю голову на партнёра. Он опять смотрит на меня с улыбкой. Опускаю глаза в карты — так вот же у меня снова есть что подкинуть… Он играл своими и моими картами. Я такого ещё в жизни не видел.

Я никак не мог понять: откуда этот мужик знает, какие у меня карты? Более того, у меня возникло подозрение, что знает все карты, которые на руках у всех четырёх игроков. «Хорошо, что мы играем не на деньги», — подумал я.

Всё закончилось быстро. Всухую. При счёте десять — ноль в нашу с ним пользу незнакомец со всё той же вежливой улыбкой поблагодарил нас за возможность сыграть и удалился обратно на своё полотенчико.

На отчима было больно смотреть. Не страшно, а именно больно. Он сидел с пунцовым лицом, с красными ушами и багровой шеей. Он чуть не плакал. Я думал, что он сейчас либо в клочья порвёт эти карты, либо просто съест их.

Как голодный лев.

Три лифта

Вечер. К отчиму зашёл на огонёк его однокашник по институту. Он из Киева. Работает в министерстве. Разговаривают сидя на кухне. Закусывают.

Мужик уговаривает отчима отпустить меня в столицу. Говорит (про меня) — он начнёт жизнь с референта в министерстве, а не с аппаратчика на заводе. «Ты, что, разницы не понимаешь?»

Отчим спорит, говорит, что я должен, как он, с низов всё пройти, пройти по всем ступеням карьеры. Закончить, как сам отчим, заочный институт и стать руководителем цеха, в конце концов.

Каждый настаивает на своём и каждый приводит аргументы. А я думаю: «Вот и случилось то самое, ради чего я был переведён в техникум, — я иду работягой на завод, а родной сын

отчима — инженером в какое-то КБ. Надо что-то менять. Время, когда мной просто двигали, закончилось. Я ведь тоже умею в шахматы. Будем вникать. И начнём с Киева».

Кстати, мне показалось или нет, что только что перед самым моим носом захлопнулся один социальный лифт? Это был его ход. А теперь — мой.

Я еду в Киев попробовать пробиться в институт международных отношений, даже не зная самих человеческих отношений вокруг этих международных. В общем, имея при себе несколько своих статеек из «окопной» правды с Дальнего Востока, я резво попробую поступить хотя бы на международную журналистику — думал я.

В приёмной комиссии заседало несколько преподов. Я попал на приём документов к усталого вида дядечке, который оживился, увидев мои вырезки из газеты. Он меня порасспрашивал о том, о сём, и мне показалось, что он собирается мне что-то сказать и никак не решится. После решился и, пригнувшись ближе, через стол сказал:

— Ты хороший парень. Я не могу дать тебе потерять целый год учёбы в любом другом вузе страны. Я себе этого не прощу. Тебя отсеют либо на экзаменах, либо на собеседовании. Ты не поступишь и просто потеряешь год.

— Но почему?

— У тебя отец дипломат? Нет. У тебя отец партийный босс? Нет. Может, у тебя отец генерал? Тоже нет! Может кто-то ну очень влиятельный может организовать звонок в приёмную комиссию? Тоже нет. Ты сюда не поступишь и просто потеряешь целый год учёбы.

Эта дверь социального лифта так громко бахнула у меня перед носом, что я даже оглядеся: это все вокруг слышали? Нет, всё как обычно. Приём документов на специальность «Международная журналистика».

Слова дядечки про звонок влиятельного лица заставили меня вспомнить тот ночной разговор, где я не успел в первый лифт. Там вспоминался кто-то влиятельный из их общих знакомых. И я рванул к телефону. Надо позвонить домой. Трубку возьмёт мама, и моя просьба будет звучать для отчима из её уст. Отказать он не сможет, посмотрим. Это мой ход.

Я звоню, мама спрашивает, и у меня есть адрес. Ноги в руки и на метро. «Здрасьте-здрасьте, мне туда-то». Вот он. Молчит.

Я всё выложил и спросил, может ли он мне помочь своим звонком?

Он сказал, что ему нужно подумать, и вышел. Подумал, вернулся и говорит:

— В данное время я не смогу ничем помочь.

В переводе на обычный с иносказательного это значит: «В данный момент я занят более важными для меня лично, деликатными делами. А ты станешь обузой или тем самым препятствием, которое не даст завершиться моим делам в соответствии с моими далеко идущими планами». Помните, я обещал вам про иносказательный язык рассказать? Это он, нравится?

Вот так, со скрипом ржавого железа, медленно закрылись дверцы третьего лифта, идущего вверх.

Надо было возвращаться на грешную землю из обители небожителей.

К сохе.

Игра в поддавки

И вот что мы имеем. Спасибо чужому дядечке, что вправил мне мозги. Год учёбы терять нельзя. У меня диплом техника, за плечами армия — на заочное отделение этого без экзаменов должно хватить. Я шучу. Экзамены были. Меня приняли.

Работать я пошёл на тот завод, где раньше трудился отчим. Там, где в годы его бытности начальником… ну, просто одним из начальников, я работал в дворовом цеху (был и такой), убирая грязь с обочин дорог на заводе, дохлых собак и иногда выкорчёвывая засохшие деревца.

Это меня отчим устроил, чтобы я тоже знал, как копеечка на магнитофон достаётся. Проходящие мимо на смену или обратно люди спрашивали друг у друга:

— Это сын… (вставьте любое), правда?

— Да, я точно знаю.

— Ничего себе он его воспитывает!

На самом деле отчим просто играл ими в шахматы. На моём фоне он выглядел таким справедливым, что меня аж тошнило. Не от собак, а от мысли, что его сын в это время учится в институте.

Но это до армии было, чего я это вдруг вспомнил? Непонятно.

Да нет же, понятно. Я опять там же, только в другом цеху, и теперь я таскаю бочки с моноэтаноламином (вот что с человеком образование делает!), сливаю его, проверяю уровни масла в насосах, добавляю фосфаты в воду, отбираю пробы газа и по команде сверху, как мартышка, кручу какой-нибудь вентиль. На обед я пеку себе картошку на раскалённой трубе. Зато из хорошего — у меня есть целых четыре выходных после ночных смен, зарплата и бесплатное молоко на работе.

«И в чём же здесь поддавки?» — спросите вы.

А вот в чём. Тут кто больше потерял — тот выиграл. А я уступил ему во всём. Абсолютно во всём. И пускай отчим теперь попробует мне отказать в том, что я планирую получить за это.

Вот это будет партия. Только немного позже. А пока:

Целых два гения

Вы когда-нибудь встречали гениев? Я встречал, а с одним даже работал вместе, но недолго.

Я учился заочно, и на начитке лекций нас в больших аудиториях-амфитеатрах собиралось несколько групп. В двух из них были гении. Два обыкновенных гения. Как я определил? Это все знали, даже преподаватель математики с ними не спорил. Он с ними только соглашался. Всегда. Опустив глаза. И это была жесть.

Но эти парни не третировали препода. Так, пару раз поправляли и подсказывали, и всё. Остальное время они смотрели в окно со скучающими лицами. На переменах, особенно перед высшей математикой и сопроматом, по которым нам всем раздавались задачи накануне, около них толпились все девяносто студентов трёх групп.

Они решали всем задачи, едва читая условия и подперев щёку ладонью, всё с тем же скучающим взглядом в окно.

Два человека решают девяносто задач за десять минут, подперев щёку. Это если вы не поняли, что они гении. Ещё я обратил внимание на то, что между ними не было конкуренции. Вот между нами всеми она была, а между ними — и намёка не чувствовалось.

Но самое интересное не то, что один из них бросил институт через год. И не то, что второй бросил институт ещё через полгода после первого. Интересным было то, что один из них устроился к нам слесарем. Простым слесарем. И у меня появилась возможность поговорить с гением в неформальной обстановке.

Начали с кино и книжек. Меня удивило его удивление от обсуждения их со мной. Может, удивило количество прочитанных нами книг, не знаю, но удивление я заметил. Ну мы и разговорились постепенно…

Больше всего меня интересовало, почему они бросили институт. Ответ гения поразил многословием:

— Это бесперспективно, — сказал гений.

— А как же карьера, рост в обществе, путь наверх, к более сложным проблемам людей? Надо же помогать таким, как я? — это я.

И тут он меня сразил:

— Это — бесперспективно.

А после, сжалившись, объяснил. Перескажу ближе к оригиналу.

— Вот смотри. Ты купил молоко. Оно прокиснет, да? Да. Это перспектива. Ты её видишь. Беременность разрешается родами — это перспектива, и ты её видишь. А окончание института в этой системе — бесперспективно. И я это вижу.

— Но ведь если ты со своим умом закончишь ВУЗ, поднимешься в высокий эшелон, ты ведь сможешь умными решениями улучшить жизнь тысячам людей?

В этот момент я чувствовал себя землянином стоящим перед инопланетянином из более развитой цивилизации. Я видел, что он ищет слова, которые я смогу понять, учтите — он мой ровесник. Наконец он сказал:

— Один академик-математик, рассчитавший траекторию полёта к Луне, сказал фразу, поняв которую, ты сам дашь себе ответы на многие вопросы, что встанут перед тобой в жизни: «…Из двух кандидатов на пост всегда победит более нежелательный, потому что для достижения своей цели он использует даже запрещённые способы…»

Через некоторое время он и от нас уволился. Больше наши пути никогда не пересекались. Мне опять удалось узнать о жизни что-то новое. А вы встречали гениев?

***

Думаю, тут стоит рассказать ещё одну историю из одной командировки. Гостиница была забита, и мы расселились по людям с привокзальной площади. Я снял койку у одинокого деда. У него даже телека не было, не только бабки. Зато у него там стояли три шкафа с книгами. Вечера после работы нужно было как-то убивать, и я спросил что-то почитать. Он предложил, я это читал, он ещё предложил, я и это читал. Дед ещё предлагал — что-то в итоге нашлось. Нет, я и по магазинчикам ходил, надо же было порадовать свою девушку новым маникюрным набором или духами…

На третий вечер дед вдруг говорит:

— Слушай, а давай я тебе по руке погадаю. Всю правду расскажу.

— Я в цыганскую магию последние года двадцать два не верю, — отказался я.

И он как насел на меня: ты же ещё так мало про жизнь знаешь, почему не веришь, ты проверь, а после скажешь… Я ему объяснил, что тоже могу поводить пальцем по его ладони и попробовать что-то «нагадать» из всего, о чём мы говорили за эти пару-тройку вечеров. Дед насупился, долго думал и говорит:

— А давай я погадаю парню, который за тобой по утрам заходит? Его-то я совсем не знаю. Идёт?

Скучно деду, мне тоже. Ладно.

Заходит мой напарник утром, ну мы и начали. Дед творит чудеса. Он, при всём том, что чутко ловил кивки головы удивлённого нашими экспериментами над живым человеком моего коллеги, так ещё и меня удивлял некоторыми своими выкладками о его характере! Дед иногда просто поражал. Честно. Дальше мы — на работу. А старик с самодовольной улыбкой ещё долго не закрывал дверь.

Вечером мне пришлось настойчиво расспрашивать деда, что же это было. Он слегка поважничал и признался, что вся эта магия описана ещё в 1895 году в Альманахе Медицинской академии, который он и приволок из своей комнаты, где, наверное, прятал самые ценные книжки. Книга пахла сотней лет, а слова в ней заканчивались на буквы «ять». Там, среди прочего, была статья об исследованиях академией явления хиромантии на пациентах в домах призрения — так раньше назывались дома престарелых. Несколько медицинских академиков подошли к вопросу строго научно.

Результатом их исследований стала статья, а в конце её был вывод, который меня крепко зацепил. Суть его была такой (постараюсь близко к тексту): если по походке, по поведению и почерку, ужимкам и манере говорить можно легко определить характер человека, и это факт, то почему нельзя это сделать по его ладони? Если сам характер закладывается ещё в утробе матери, когда создаётся личная психо-нейро-моторная система человека? А раз так, то и линии на ладони — это не магия. Это складки кожи, которые заранее заготовлены природой под наибольшую способность к изгибам ладони именно для какого-то конкретного вида деятельности. И у всех эти линии разные…

Вот и вся «магия». По складкам кожи с огромной вероятностью можно прочесть характер, способности и даже здоровье человека.

А сейчас вообще генная инженерия рулит! Вы только представьте, если бы всем деткам ещё в роддоме делали такую генетическую раскладку? Наглядно показывали их наклонности и таланты, а общество потом формировало бы их в том направлении, где они принесут наибольшую пользу. И главное — сами люди бы получали наивысшее наслаждение от работы, под которую заточены от природы.

Представляете, что бы сделали тогда те два гения для всех нас?

Трубящий олень

Я уже сдружился с одним спортсменом, моим ровесником, и девушкой-пловчихой. Они вместе делали зарядку у озера и просто жили по соседству. Они оба были из разных миров. Ну и я туда же. Парень был выше меня на голову и сухой как Брюс Ли, а главное — он был похож внешне, с такой же манерой двигаться, и тоже занимался единоборствами. Как тот летёха из медслужбы в армии — самостоятельно, по книжкам и видеокассетам. И у него, на мой взгляд, получалось. Говорили, что своими рычагами, как у богомола, он по паре человек укладывал, когда надо было.

Мы втроём частенько бывали на городском пляже у озера, он многих знал по кафе и танцплощадкам. Однажды мы подсели к компании, где трое парней-студентов охмуряли двух девушек. Познакомились. Одна была симпатичной блондинкой с короткой стрижкой, мягкая, но совсем ещё молоденькая. Я послушал, о чём говорят студенты (в том смысле, что она слушает), и подумал:

— Нет, это не моё.

А мать-природа в этот момент хмыкнула:

— Это пока…

И что — и понеслась. Как когда-то на Донбассе, когда приезжал родной сын отчима.

Мы ходили по кафе, танцам, кино, в театр, на пляж, в спортзал, чтобы подкачаться, мы играли в большой теннис на кортах, мы летали на кукурузнике на одно знаменитое своей водой озеро с палатками и девушками. И я его переплывал на спор. Целых два километра. Мы отрывались по полной.

Из нас била ключом молодость, сила, удаль, бесшабашность, переходящая порой в безбашенность. Юношеский гормональный угар, любовь и непреходящее желание ещё большей любви — это был наш природный наркоз, защищавший нас от действительности в этом возрасте. Биология человека в этот период диктует правила жизни так громко и так близко к уху, что голоса своего разума ты почти не слышишь.

Тогда всё вокруг вызывало в нас такие яркие эмоции — начало страсти, близость, преодоление трудностей на пути к этому, — что описать их просто невозможно. Мы как будто жили в жерле вулкана. Мы были львами, ищущими новую, свежую добычу. Каждый день, каждый вечер. Хотя была у меня и пара облюбованных мест, куда можно было приходить на водо-

пой всегда. В этом диком, молодом лесу, где все свободны от обязательств, этот инстинкт толкает тебя: захватывать новое, оставлять свой след и становиться царём этой горы.

Тестостерон — это гормон завоевания. Мужчина запрограммирован конкурировать с другими мужчинами, захватывать и метить территорию. Мужская природа прямолинейна и требует постоянной подпитки новизной. Это та самая древняя, глухая, чисто самцовая биологическая программа по размножению.

Это и была та самая гормональная буря. То, что происходило с нами. Нас это не смущало, не пугало и не отпускало. Потому что когда тебе чуть за двадцать, и ты молод, силён до чёртиков, а в твоей крови бурлит первобытный коктейль инстинктов — ты уже почти теряешь контроль над ними. Они силой берут управление на себя. Вот как природа сделала бессмертными все живые существа на Земле. Она намертво врезала эти инстинкты во всех живущих. От них не скрыться, их не усыпить. Они зашиты в каждом и каждой. Они рвутся на волю, пробивая заслоны разума. В это время и совершаются наиболее трагические ошибки.

Но у этой игры тоже были свои правила. Обществу не нужен этот дикий лес, оно контролирует его лесниками, прореживает, огораживает заповедные зоны и даже регулирует поголовье, когда нужно. Обществу нужны понятные, управляемые винтики, которые будут исправно работать, создавать ячейки общества, производить потомство и потреблять товары. Поэтому надо думать, что скоро наш… очень хочется написать — молодой лев, но правильнее будет всё-таки — трубящий олень, столкнувшись с парой заборов из колючей проволоки, постепенно остепенится. А пока в этом диком угаре он даже пару раз всерьёз подумывал жениться.

Но пронесло.

Коробочка пирожных

Иногда мы играли в теннис, теперь в большой, и не через кирпичи. У нас были ракетки, сетка (правда, волейбольная) и мячики. А корты были повсюду. И никто их не использовал по назначению. Такая подвижная тренировка нам была только на пользу. Как-то раз наша троица, включая пловчиху, прихватив с собой её подружку, отправилась поиграть в другой район города, на корты, которые находились недалеко от пивзавода.

Поиграли, посмеялись и решили ещё пару часов провести у речки, на солнышке, организовать небольшой пикничок. Купили газировки, минералки и пирожных. Пирожные были у меня, в небольшой открытой коробочке. И мы вышли из магазина.

Мне не понравились его глаза. Они были похожи на глаза того заводилы из котлована в моём детстве. Хитрющие, быстрые, колкие. Он зыркал на нас, стоя среди гогочущей компании под витриной магазина. Белый день. Казалось, что ничего не предвещало неприятностей. Кроме тех глаз.

Проходим мимо. Наш «богомол», девочки, я замыкаю. И вдруг у меня за спиной:

— Меня с собой возьмёте? — это тот, с хитрыми глазами.

— Извини, чувак, тебе пары не хватает. — Это я. — Видишь, мы по парам?

У меня в правой руке пирожные, в левой — сумка с ракетками. А он берётся за ручки сумки и говорит:

— Давай я понесу! А девушками поделитесь. — Его толпа аж зашлась от смеха. И я оглянулся на этого му… ну, пускай будет муфлона.

И понял, что пропустил удар.

Меня шатнуло. Нокдаун, но я выдержал, я на ногах. Инстинктивно приседаю. Его удар правой проносится над головой. Девчонки закричали. Богомол рванулся назад. Я медленно разворачиваюсь, не разгибаясь, убирая голову из-под следующих возможных ударов. Медленно ставлю сумку под дерево и на неё — коробочку с пирожными.

Всё, я пришёл в себя. Ищу глазами эту па… ну, пускай будет падаль. Его от меня оттесняют его гогочущие друзья. Богомол стоит, окрысившись, между мной и ими. Я готов сцепиться, несмотря на то, что их человек десять. Мы их сейчас порвём, всех по очереди! Но мне бы только тому, хитрому, сейчас вмазать, полжизни отдам, только бы дотянуться. Но нет, меня оттесняют, люди у магазина грозятся милицией. Я в таком состоянии, что не описать словами. Мне дали по роже и не дали возможности дать сдачи.

«Всё, тебя по… ну, пускай будет побили, и всё, свободен». Я аж задыхался от несправедливости и негодования… Но, почувствовав текущую по щеке каплю, понял — рассечка. Под левым глазом. Чувак бил даже не дав мне развернуться, бил куда доставал. Оглянулся. Тот урод в окружении своих бичей, глядя на меня, поцеловал свой перстень. Я думал, у меня башка в этот момент взорвётся от злости и бессилия…

Сказал девчонкам зайти в аптеку напротив, через дорогу, и купить бодягу. Поднял коробочку с пирожными, сумку и, толкнув Богомола, сунул ему это в руки и поплёлся на другую сторону улицы, прижимая к глазу бутылку с минералкой. Удивило, что в аптеке нашим барышням ничего не продали и тоже пообещали милицию вызвать. Я сел на низкий подоконник аптеки и ждал, пока все успокоятся, продолжая поворачивать минералку новым холодным местом к глазу. Толпа уродов на другой стороне как-то притихла и даже не смотрела в нашу сторону. Это меня удивило. И я посмотрел по сторонам.

Я не поверил своим глазам. И вы сейчас не поверите. Эта су… ну, пускай будет сущность, шла ко мне снизу, по нашей стороне улицы.

И улыбалась.

И я тоже заулыбался.

И никого не предупреждая, тихонько встав на ноги и проскользнув между своих, я двинулся навстречу своему счастью. Я чуть петь не начал! Я шёл к нему походкой коренного народа Америки — мягко перекатывая ступню на её внешней стороне, и я улыбался во весь свой рот.

Я знал, что он сейчас видит. Он всё понял. Он пожалел. Его глаза погасли.

А я уже — машина.

Не доходя пары шагов, я резко поднимаю руки в боксёрскую стойку. Он делает то же самое.

Это — ошибка. Драка окончена. У меня ещё один шаг, и мне не нужно переносить свой вес для удара — он будет с ходу. Вместо последнего шага для сближения я бью его ногой. Правильно — в солнечное сплетение. И всё.

Ну, не в смысле я перестал его бить, «всё» — в смысле теперь я это мог делать спокойно. Я ударил правой снизу. Его это разогнуло. Вставив локоть ему под подбородок, я опрокинул его на перила, огораживающие тут проезжую часть. В голове красный транспарант: «Ты сломаешь ему позвоночник». Ладно, даю ему повернуться животом на перила. Теперь придётся только левой. Ну и что, левой тоже должно получаться. Бац, бац, бац, бац. Закрывается. Тогда локтем в спину — во, теперь вижу, я тоже ему юшку пустил. Нормальненько. Продолжаем: бац, бац, бац, левой!

На той стороне уже всё поняли и бегут через дорогу. У Богомола и девчонок тоже ступор прошёл. Но толстяк с той стороны прибежит раньше, я вижу. Но мне нужно, чтобы этот хитроглазый всегда перед такими своими закидонами вспоминал этот забор.

Ну, ещё разок — бац. Ноги толстяка рядом. Не глядя понимаю: удар будет прямым, в голову. Тяну, и в последний момент слегка втягиваю голову в плечи — рикошет по макушке, класс, его заносит в сторону. Ну, а я ещё разок, последний — бац.

Опять толпа, опять разводят, а я с такой довольной рожей, что толстяк прямо целится мне вмазать, но Богомол начеку, между мной и им, а я не могу перестать лыбиться. Просто

не могу. А, забыл: то чмо всё силилось испачкать меня своей кровью, прямо тупо старался вытереть об меня свою неслабо разбитую морду. Но не дотягивался. Зачем? Что с ним не так?

Пирожные мы отдали девчонкам и разошлись. Мне надо было как-то обработать ранку и приложить лёд, чтобы не было отёка и синячища. Потому что завтра на смену, а шутников и там хватает.

Нарушение правил

Иногда я играл с отчимом в шахматы. Он играет серьёзно. А я шучу, даже играя в шахматы. Не знаю, откуда это взялось, но я начал видеть вокруг много комичного, даже в том, что происходит со мной. Но сейчас будет смешно, только сначала.

Игра идёт. Ход мой, ход его, ход мой, ход его. Начались первые размены фигур, жертвы пешек. И тут я вижу, что быстрая и длинная цепь ходов ведёт к моей победе. Даже не к победе, а к большому позиционному преимуществу, которое, если не растерять, приведёт к победе. И я жертвую пешкой. После — фигурой. А после — ещё одной.

Вот это мне всегда нравится. Вот то, что сейчас произойдёт!

Внимание… Дошло.

Отчим уже не развалившись в кресле, он уже сидит на его краешке с прямой спиной. Он покряхтывает, он вытирает руки об живот, он шарит глазами по доске, он несколько раз порывается взять какую-то фигуру, но передумывает. И вот оно: он хватает каждой рукой по фигуре и замахивается ими для хода! Двумя, сразу!

Вот ради таких моментов я и играю с ним в шахматы.

А вообще, в шахматы мы играем почти на равных. Он чаще выигрывает. Немножко чаще.

Всё, смешная часть закончилась. Теперь не про игры.

Сделав всё, что запланировал мой отчим для меня по жизни, я, естественно, думал, что могу ожидать помощи от него и мамы. Вы, наверное, заметили, что моей мамы как бы меньше стало, да? Она как будто отошла в тень. Она как будто держала нейтралитет. Ну так вот.

Отчим перешёл на другую работу, и тут его угощали. А после подвозили. А после он сидел, закинул ногу на подлокотник кресла и ковыряясь в носу, рассказывал, как он покорил эту жизнь. И удивлялся, что я не аплодирую.

Нам становилось всё теснее. А маме — всё труднее. Хоть я и встречал её иногда с работы (это было недалеко от дома), я всё равно старался не опоздать к ужину. Я видел, что ей приятно. Я видел, как незаметно за нами подглядывают её сотрудницы, расходясь по домам. Я был так должен ей, что старался как-то украсить, что ли, её жизнь, помочь ей. Я стоял в очередях в ожидании подвоза сливочного масла или куриных яиц в магазин, я стоял за суповыми наборами (это чьи-то кости фасованные в пакеты) в таких толкучках, что удивлялся выдерживающим это всё бабушкам вокруг себя. Я заготавливал на зиму картошку в мешках. Я отдавал ей половину зарплаты. Я понимал, что теперь она пашет на двух взрослых мужиков по дому.

А с отчимом мы ужиться не могли. Никак, особенно теперь. Он часто бывал пьян, он грубил маме. А однажды, что-то грубо ей крикнув, хлопнул перед её носом дверью со вставленным в неё узорчатым стеклом.

Я тогда затаил дыхание. Я не знал, что бы было, если бы стекло разбилось о мамино лицо.

Я стал между мамой и им. На пороге той двери. Я почувствовал, что время замедляется. Значит, я уже превращаюсь. Я отчётливо вижу красные от выпитого мутные глаза, побелевшие от страха и трясущиеся губы. Руки, делающие синхронные движения, как будто ищут сразу две фигуры на шахматной доске.

Он выпивший. Его реакция медленнее моей на целых две десятых доли секунды. Это ошибка. Драка о…

— Не нужно, сын, нет, не нужно, — это мама, тихим голосом…

Так жить было больше нельзя, и я предложил им разменять трёхкомнатную квартиру на двух — для них и однушку для меня. Это был разумный выход. Против никого не было. И я стал давать объявление о размене каждый месяц. А написанные вручную приклеивал на досках объявлений в городе.

Время шло, никто не отзывался. Снова время шло, и никто не звонил. Нет, когда я был дома — звонили, а вот когда меня не было — почему-то нет. Все найденные и предложенные мной варианты размена отметались отчимом без обсуждения. Время шло, и опять никто не звонил в моё отсутствие. Это опять была игра. Его игра. Она длилась года полтора. Вот у нас с ним терпение, да? А про маму вы подумали?

А после случая, когда я созвонился с кем-то и мне сказали, что мы уже ничего не разменниваем, я решил поговорить снова. Спокойно. Но твёрдо. Мы все сидели, и я сказал, что это подло. Сейчас польётся бытовая грязь. Поберегитесь. Перескажу близко к оригиналу:

Отчим говорил, что это жильё дали ему. Я возражал: он сдал три комнаты там и получил три комнаты тут. Но в сданных там были две наших и одна его. Он цинично заявил, что не станет разменивать ничего и что я недотёпа, если полтора года слушал его сказки. Он чувствовал, что мама не даст мне выбить из него хамство, скотство и жлобство. Теперь он играл и ею. А я так не мог.

И когда мама сказала, что разъехаться нужно немедленно и чтобы я поискал, где меня могут поселить у себя на новой работе… Она сказала, чтобы я уходил в общежитие. Отчим улыбался.

А я опять не понимал свою мать.

А да, я же не говорил: я уже на другой работе работаю. В одной пусконаладке. Хорошая фирма, филиалы даже есть. Зарплата больше, только иногда командировки бывают, недалеко, на пару дней. Привезли, установили, прогнали — и погнали. Отчим, кстати, тоже неделю со мной не разговаривал, когда я с завода ушёл, так и не сделав звёздную карьеру с низкого старта чернорабочим.

Вот и всё. Я живу в общаге. Только это однушка, обыкновенная квартирка, там нас двое. Иногда у нас командировочный кто-то останавливается на пару дней, но редко. Жить можно.

Но это ещё не конец нашей партии с отчимом. И даже не середина. Это только начало.

Главный раздражитель

В это время происходила ещё одна цепь событий. И раз мы договорились, что обо всём — ну или почти обо всём — и на чистоту, то мне нужно рассказать, как я впервые столкнулся с деменцией. Деменцией моей бабушки, которая когда-то шила на машинке, отмывала нас с младшим братом от краски и возила меня в Ленинград.

К этому времени они с дедом уже жили в Прибалтике, в небольшом городке на побережье. Все её дочери с семьями и мы, пара её внуков, иногда ездили к ним летом: позагорать между небольших дюн, искупаться в холодном Балтийском море, погулять в сосновом бору и, конечно же, поудивляться продуктам и товарам совершенно другого качества, чем во всей остальной необъятной.

В те приезды мы лазали по старым, времён Второй мировой, немецким укреплениям, купались в мелком море, где вода по пояс становится только в ста метрах от берега, а после — грелись у костра из сланца… Кстати, вы видели, как горят камни? Это сланец, он раскалывается на пластины и горит красным чадящим пламенем, если что.

В один из визитов я заметил, что бабушка не может найти деньги, которые собиралась дать мне для похода в магазин. Она говорила, что их, наверное, дед куда-то переложил, и рассказывала мне давнишнюю историю про «клад», который дед спрятал от семьи в поленнице дров в сарае.

В следующий приезд это стало повторяться часто: поиски денег и попытки выпытать у деда, куда он их дел. Дед её успокаивал, оправдывался, что не брал, и искал их вместе с ней. Мне казалось, что это какая-то игра. Ведь невозможно, чтобы такое с деньгами случалось пару раз каждую неделю! А в остальном всё было как всегда: бабушка готовила, дед ходил на работу, я бездельничал на взморье с друзьями.

В третий или четвёртый раз я застал дома только деда. Бабушка была в местной больнице, «с нервами» — как сказал дед. Он, кстати, работал в клубе и провёл меня туда посмотреть представление знаменитого театра кукол Образцова, «Необыкновенный концерт». Только я смотрел его из осветительной будки. Концерт даже с такого необычного зрительского места мне понравился.

Я навещал бабушку в больнице. Её успокоили, она была улыбчива, спрашивала о моей маме, и ничего подозрительного я не заметил. Она сказала, что уже скоро собирается домой, к деду. А дома дед огорошил меня известием, что бабушка там уже не в первый раз.

Вернувшись, я всё рассказал маме. Она обзвонила сестёр и поговорила с дедом. Деду было тяжко.

А весной наступила жесть. Мама с отчимом привезли её в Ровно. Я уступил ей свою комнату и переселился в зал на раскладушку. В первую же ночь мы не знали, что делать. Я представить боялся, как с таким справлялся мой дед в одиночку, потому что то, что теперь началось, валило нас троих с ног.

Понимая, как устали родители, я сказал, что уложу бабушку и лягу, когда она уснёт. Не тут-то было. Я не мог её уговорить даже просто лечь. Она сидела в кровати и рассказывала обо всём подряд. Я её слушал час, второй, но уложить не мог — она не ложилась, сидела в кровати как кукла. Я попробовал аккуратно положить её на спину, головой на подушку. То, что я увидел, было шоком: теперь её голова лежала на подушке, а ноги с одеялом торчали вверх. Как будто она сидит, только теперь — лёжа на спине!

Я не знал, плакать мне или смеяться. Надо было плакать.

Встала мама, дала бабушке таблетки, которые привезла с собой, и мы всё равно возились с ней ещё пару часов.

Утром родители ушли на работу. У меня был длинный выходной, и я сначала сбегал в магазин по списку мамы. Когда вернулся, понял: людей в таком состоянии оставлять одних нельзя. Они совершенно не понимают разницы между реальностью и тем, что им кажется.

Бабушка замочила стирку в ванной (это когда бельё сначала оставляют в воде перед стиркой) и ещё собралась варить щи. Поэтому туда же, к белью, высыпала банку кислой капусты. Смеяться мне уже не хотелось. Мне хотелось, чтобы это было не со мной.

На следующий день мне сказали вывести бабушку на воздух, погулять с ней в сквере с часик. Я всегда любил бабушкины истории. Мы прогуливались, разговаривали, я тихо радовался, что всё вроде стало на свои места. Потому что мне завтра на смену, и маме придётся отпрашиваться. А ей и так тяжелее всех, она и ночью из-за любого шороха к бабушке подскакивает.

Мы присели на скамейку, и бабушка, повернувшись ко мне, спросила:

— Молодой человек, а вы кто?

«У меня проблема», — подумал я.

Я начал рассказывать, кто я. Не верит. Я начал рассказывать, кто мои родители. Не верит. Я начал напоминать ей все её истории, которые помнил. А она спрашивает:

— А откуда вы столько про меня знаете?

— Да я же твой внук, бабушка!

— А ну-ка разуйся. Сейчас я тебя на чистую воду выведу, — это она.

Я снимаю кроссовок.

— Носки тоже снимайте, — она со мной на «вы».

Снимаю. У меня большие пальцы на ногах немного великоваты по сравнению с остальными, если сопоставлять пропорции. Особенность генетическая, наверное.

Бабушка посмотрела и говорит:

— Ну ты посмотри! Они даже пальцы тебе подделали!

Вместо положенного часа я «гулял» с бабушкой часа три. Я не мог её уговорить вернуться домой. Надеялся на чудо — что она вдруг хоть ненадолго придёт в себя. Чуда не происходило. И я напряг все свои извилины, стараясь поднять её со скамейки и хотя бы направить в сторону дома. Я поддакивал, вносил крохотные изменения в то, что она предлагает, — я старался тогда сильнее, чем на выпускных экзаменах в техникуме. У меня мозг работал так, будто я даю сеанс одновременной игры в шахматы двадцати противникам.

А самое главное — нельзя было ни отлучиться, оставив её одну, ни довести ситуацию до скандала. Вокруг были люди. Не знаю как, но бабушку я домой привёл.

— Как погуляли? — спросила мама.

— Хорошо, — ответила бабушка.

А у меня брови полезли на лоб.

***

А ещё через какое-то время мама на работе упала в обморок от истощения нервной системы и недосыпания. До отчима дошла серьёзность положения, и он уложил бабушку в городской психодиспансер. И я отправился туда её проведать.

Пришёл, поднялся, прошёл в какие-то приоткрытые двери. Понял, что нужно кого-то подождать и спросить, где тут, что и как. Присел на подоконник забранного решёткой окна. Жду.

Приходит здоровенная медсестрище и закрывает на ключ дверь, в которую я только что зашёл.

— Иди в свою палату, — это она мне.

— ??? — это я. Представляете, где у меня в этот момент брови были?

— Я, собственно, врача жду, здравствуйте.

— Мне тебя что, самой отвести? — И она закатывает сползший рукав.

Вот представьте себе картину. Два взрослых человека. Смотрят друг на друга, и оба думают о втором, что тот сумасшедший. Понимаете? Тут ситуацию нужно видеть иначе. Я рассказывал раньше. Надо взглянуть глазами того, кого ты никак не можешь понять. И что я вижу: молодой парень с вытаращенными глазами озирается и понимает, что выскочить в запертую ею дверь не успел.

А это значит, мне нужно что? Правильно. Поддавки.

— А в какой я палате? — это я.

— Другое дело, — смягчилась женщина-молотобоец. — А то доктора… Говори фамилию.

Я сказал. Она достала список. И теперь у неё были брови там же, где и у меня двумя минутами ранее. Да, собственно, и глаза тоже стали как у меня. Тупик. Ничья. Но не выигрыш.

— Сиди тут. Я за доктором!

Так я об этом и просил вроде?

Пришёл врач. Завёл в кабинет, объяснил, что такое деменция (в просторечии — старческий маразм), и сказал, что через месяц в состоянии бабушки уже будут такие улучшения, что мы сможем забрать её домой. Он сказал, что внимательно вник в бабушкины проблемы, и:

— Вот только постарайтесь, чтобы она больше не виделась со своим мужем. Он её главный раздражитель.

***

Прошло около месяца, чуть меньше. Буквально через два дня мы должны были забрать бабушку домой. На свиданиях она была такой же улыбчивой и спокойной, разговаривала о жизни, без ошибок вроде. Мама за это время поговорила с сёстрами в Северодонецке. Те отказались забирать бабушку к себе: у одной разъезды, у другой — дом в селе, гуси, куры, огороды. Решили напрячь деда поменяться квартирами назад, в Маленькое Чикаго. И напрягли.

Вот только дед появился у нас. Неожиданно. Поспрашивал, пожевал губы. Мама и отчим всё рассказали как на духу. Дед снова пожевал губы. Родители ушли. Мы с дедом на кухне.

— Деда, — говорю я, — я прошу тебя, уступи разок. Сделай, как тебя просят. Дай просто шанс проверить, как бабушка теперь будет тут. Может, всё будет нормально, дай шанс. Не встречайся с ней. Пожалей мою маму, меня. Бабушку чуть восстановят, таблетками помогут, и мы тут тихонько приспособимся. Не перешагивай через нас, пожалуйста.

Дед стоял отвернувшись и, глядя на проспект за окном кухни, жевал губы. Я знал, что это означает. Я рос с ним рядом. Я учился у него… А он молчал…

— Деда, пожалуйста, не ходи туда, я ведь тебя прошу. Ну хоть время дай, мы тут выдохлись, маму мою пожалей. Она в обморок уже падала, ей разрешили на полставки работать, чтобы успевать всё, у нас у самих разборки. Пожалуйста. Не молчи. Поговори со мной.

Дед смотрел в окно и жевал губы.

— Деда, ты пойми, нельзя так с людьми, все люди — люди. Дай нам шанс, дай время. Не ходи туда. Мне же придётся после этот ужас разгребать. Ведь я тоже могу, как ты, перешагивать через людей. Могу. Научился. Но я же так не делаю. Ты представь, если я так буду себя вести по отношению к тебе, как ты — по отношению к моей матери. Я прошу тебя. Если это хрупкое равновесие бабушкиного состояния рухнет, рухнет и моё уважение к тебе. Я же тоже могу занять глупую и жёсткую позицию. Я же буду должен выбирать между матерью и тобой. Не ходи, не порти всё. Если ты всё разрушишь… — я долго не решался сказать ему такое, но сказал: — Хоронить тебя будут чужие люди…

Дед стоял и, глядя в окно, жевал губы. Ни слова.

А после он сходил и купил билеты на ЖД вокзале. А после — поехал в психодиспансер к бабушке. А после, не заходя к нам, он сел в поезд.

А после позвонил врач и сказал, что всё, над чем он месяц трудился, угроблено визитом деда. И что больше он ничем не поможет, и что стало всё только хуже. Намного. Мы сидели, подперев головы, и не знали ответа на вопрос: почему о человеке, отдавшем всю жизнь этому обществу, прошедшему неимоверные испытания и давшему обществу трёх детей, о человеке, который был опорой ячейки этого самого общества, оно совершенно не хочет заботиться? И молча перекладывает это на плечи следующей ячейки этого общества… Мне начинало казаться, что с этим обществом что-то не совсем так.

Тогда в психодиспансере произошло вот что. Когда бабушка увидела деда, весь её аккуратненький больничный, поддерживаемый таблетками мир рухнул. Её сдерживаемый психоз вырвался наружу с такой силой, что смёл остатки нормальных нейронных связей в мозгу. «А — это ты, ты прятал от меня деньги! Ты их крал для другой!»… И стало всё совершенно непоправимым.

В итоге отчим устроил бабушку в лечебницу в другом городе. Я её там навещал. Было странно и даже по-своему интересно: пока бабушку приводили в порядок и вели ко мне, я сидел на солнечной лужайке на скамейке и общался с другими пациентами — в том смысле, что это они со мной общались. Я чувствовал, что нуждался в этих знаниях, и впитывал этот скрытый от обычных людей мир изнутри.

— Всё, что ты узнал — это нашёл, а всё, что не узнал — потерял, — часто говорила мне мама.

Дед за несколько месяцев осуществил новый обмен и вернулся в Северодонецк. Только теперь он жил на другой улице, чем до отъезда в Прибалтику. А после — забрал бабушку к себе. Увёз её из нашего правильного, рационального, но такого холодного мира. Он заботился о ней до конца. Что же двигало им, заставляя перешагивать через мнение близких?

А я опять ничего не понимал. Но я пойму, увидите. Вот только подождать нужно ещё целых двадцать пять лет, примерно.

Фальстарт на озере

Конец лета. Светло. Центр города. Так называемая «стометровка». Я шёл встретить маму с работы — я так иногда делал. Я хотел, чтобы она знала, что я всегда о ней помню. Ну, а после ужина, может, в кино.

Я увидел её почти со спины. Среднего роста, необыкновенно сложена (я в этом разбираюсь, поверьте, ещё с женской бани в Симферополе), красивая осанка, светлые, почти пепельные вьющиеся волосы. Симпатичненькое платьице-«татьянка», если кто знает. Изящные неброские босоножки на высоком каблуке. Она спешила на троллейбус.

— Хорошо бы заглянуть ей в глаза, — это я, глядя на часы, чтобы запомнить, во сколько она садится в этот троллейбус. Восемнадцать двадцать пять. Значит, работает она где-то рядом. Ловить людей я умел ещё с Донбасса. Решено. Завтра у нас первое свидание.

Ну а то, что оно не первое, выяснится только завтра.

Наступило завтра.

Вечер, восемнадцать пятнадцать. Я стою, оперевшись спиной о перила под окном находящейся около остановки сберкассы. Восемнадцать двадцать. А вот и она.

Заглянуть ей в глаза было очень правильной идеей.

Я мог пропустить эту редчайшую возможность в жизни — найти такие. Не из-за их разреза или цвета. Из-за их глубины. В них я в одно мгновение увидел характер и трудолюбие своей бабушки, ум и силу воли, как у моей матери, и ещё её, чисто её какую-то просто бездонную доброту. Столько доброты в одном человеке просто не могло быть. Как я это всё увидел за одну секунду, я объяснить не смогу, но я видел это своими собственными глазами. Я не вру.

— Я буду большим дураком, если упущу эту девушку, — подумал я и, пропустив несколько человек, чтобы не пугать её, тоже зашёл в троллейбус.

Проехав пару остановок и уже даже тот самый Пивзавод, я приблизился к незнакомке и спросил, не боится ли она одна, в таком районе и так поздно (на улице белый день, солнце летом тут садится за горизонт в двадцать два часа, вроде), возвращаться домой? Не согласится ли она на то, чтобы я её проводил до дома? Просто, на всякий случай? И чтобы она доверилась, я представился:

— Я — … (можете придумать любое имя) … — И жду, чтобы узнать, как её зовут.

— Я знаю, — это она с усмешкой.

— ??? — это я, боясь услышать «от кого».

— Мы уже знакомились два года назад, на городском пляже, у озера, — и снова засмеялась.

Наверное, над выражением моей физиономии в тот момент.

А я тогда пытался понять, как за два года могла так измениться девушка? Не внешне, нет. Изнутри! Что же она прошла за два года? Или как она в себе это открыла? Или, может, это я изменился и теперь ищу не то, что искал предыдущие пару лет? И что это за силища природная, которая позволила мне за доли секунды увидеть заложенные в ней качества?

— Что-что? Не расслышал, — это я. Я вернулся.

— Моя остановка, — это она.

Начало положено. Я провожал её до дома, шутил, интересовался, не перехожу ли я кому-нибудь дорогу (хотя мне это уже, кажется, становилось всё равно), и предложил продолжить наше знакомство в кафе, за чашечкой кофе, в пиццерии или в кино, когда ей будет удобно.

И началось наше долгое изучение друг друга. Потому что…

Она тоже всё детство росла без отца.

Лось и козлик

Была одна история, не могу о ней не рассказать. Чтобы вам понятней стало, о чём пойдёт речь в следующей.

После того как коварный Запад наводнил весь мир своими фильмами, песнями и бытовой техникой, это начало просачиваться и к нам, которым нужно было соответствовать высокому моральному облику строителей… чего-то там.

Но джинсы (речь пойдёт о штанах индигового цвета) были самыми коварными из всего. Их носили даже комсомольские вожаки во время пикников, их носили даже дети партийных боссов на вечерних променадах и танцульках в студенческих кафешках.

Кроме джинсов из-под полы продавалось всё: шузы (это обувь), кассеты с музыкой, видеомагнитофоны и фильмы к ним, плееры, одежда, косметика, жвачка и даже просто цветные пакеты с рекламой чего-то — например, «Мальборо». Если ты этим занимался — ты становился порицаемым обществом фарцовщиком, а если ты был магазином с этими товарами, то ты не порицался, а назывался «Берёзка» или «Каштан».

Короче. Джинсы в стране, где их шили, стоили как всего один час работы работяги. А тут они стоили как целый месяц работы такого же работяги. Запоминаем: час работы там — это как месяц тут. И это была цена простых индиговых штанов.

Я тоже хотел купить себе новые, те, что я купил в Прибалтике, медленно, но неуклонно приходили в негодность. А выглядеть прилично всегда хочется, да? Так как я отдавал родителям половину зарплаты, то у меня постепенно накапливались средства — для летнего отпуска, к примеру, или на «чёрный день» — его все ждали, ждали, и…

Один знакомый, имевший родственников в… ну, пусть будет за границей, привозил их оттуда и продавал. Мы помним: час там — как месяц тут. И ему это очень нравилось, и его подружкам это нравилось, и своих друзей он тоже не обижал. В общем, обратившись к нему, я приобрёл себе новенькие «Вранглер» — если кто знает. Он привёз, я заплатил. Нет, это не так делается — правильно: я заплатил, он привёз. Вот так было. И после расчёта этот лось мне говорит:

— Поехали, отдохнём, как нормальные люди, я знаю отличную шашлычную. С тебя извоз, а угощаю я, девушки будут…

Отчим к тому времени накопил и купил машину, но прав у него не было, машина была оформлена на маму, у меня права уже были, и обкатывал её я.

— Ну, поехали. «Хоть узнаю, как нормальные люди отдыхают», — подумал я. Мама всегда говорила: всё, что узнал — это нашёл, а всё, чего не узнал — это потерял. И мы поехали: он, я и три весёлых барышни, в городок поблизости, всего километрах в пятнадцати.

Стол ломился: шашлыки, зелень, соусы, «Шампусик». Всего было столько, что я сомневался, что мы столько съедим и что они столько выпьют. Съели и выпили. Он рассчитался, всем весело, шутки, хохот. Ждём кофе и в путь. И тут он, видимо, совсем расслабившись, думает вслух:

— Вот так вот, козликов стригут… — и осёкся, мгновенно протрезвев.

Если бы всё так и закончилось, я бы назвал эту историю «стриженый козлик», но мне в тот момент — не со зла, а чисто из спортивного интереса (всегда любил пободаться с лосями,

ещё с сапёров в армии всё началось) — захотелось сыграть с ним свою партию на его доске циничного расчёта и обмана.

Когда мы ехали назад, я всю дорогу посматривал в зеркало заднего вида на его самодовольную лосиную морду между хохочущих девушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.